

Описание: В этой статье мы обсудим некоторые высказывания Гексли об агностицизме.

Авторство: Лоренс Браун

Опубликовано 13 May 2013 - Последние изменения 13 May 2013

Категория: [Статьи](#) > [Доказательства истинности Ислама](#) > [Существование Бога](#)

«По Гексли, слово "агностик" был разработано как противоположное «гностику» из истории ранней церкви, и было предназначено противостоять не просто теизму и христианству, но и атеизму и пантеизму. Он хотел, чтобы слово покрыло мантией благоприличия не столько неведение о Боге, сколько твердое убеждение в том, что проблема Его существования является неразрешимой»[\[1\]](#).

Бесхвостый лис ищет «мантию благоприличия»? Так, казалось бы, кто может винить его? Это было трудное и противоречивое время, учитывая окружающую обстановку, многие представители интеллигенции должны были быть несколько разочарованы и представляли себя не только без хвоста, но и без всей задней части туловища. В то время и в том месте, где, как описывает Гексли, выбор, в практическом смысле, был христианством или ничем, кто-либо, кто размышлял над богословскими трудностями, был вынужден пересмотреть клятву членства любого из эксклюзивных христианских клубов. Изобретение термина «агностицизм», несомненно, было рождено от разочарования от ведения дел с теми, чьи учения легко могли быть дискредитированы умными мужчинами и женщинами, но в духовной пустоте, где приемлемая альтернатива еще не была представлена англоговорящему миру. Что мог делать человек, который верил в Бога, но не верил в религиозное убеждение о его или ее появлении? Побег был единственной альтернативой, именно это и сделал Гексли. Он ввел термин, который воплотил стародавнюю концепцию, который предоставил всем, кто заявлял о верности науке, путь эвакуации из перегретого, переполненного помещения религиозной дискуссии в частный кабинет личных убеждений.

Однако, несмотря на то, что термин предоставил общедоступный предохранительный клапан для тех, кто уклонялся от давления серьезной религиозной дискуссии во времена Гексли, возникает вопрос: «имеет ли термин значение в настоящее время?» Истина концепции остается, но вопрос заключается не в том, есть ли истина в концепции, а в том, есть ли ценность в истине. У опоры есть истина, но какова ее ценность? Очень небольшая, при нормальных обстоятельствах.

Так, с одной стороны, фактор «и что?» остается. Инкапсуляция стародавней

концепции недоказуемого вопроса о Боге звучит так ясно и практично, но изменила ли концепция недоказуемости чью-то веру в Бога? Человек может принять любую из бесчисленного множества систему веры/неверия, в то же время признавая, что истина Бога не может быть доказана. Однако такое признание не меняет глубину убеждения, которое каждый человек хранит в своем сердце и разуме.

Большинство людей знает об этом.

Несколько ревнителей считает, что они могут поддержать свою религию или существование Бога абсолютным и неопровержимым доказательством. Нарастающие противоречия, вызванные все более умными и хорошо информированными мирянами, наложили невероятное бремя доказательства конкретно на духовенство иудейской и христианской религий. Вопросы и противоречия, которые в предыдущие эпохи принесли бы обвинения в ереси в качестве практической меры для подавления мятежа, стали обычным явлением и заслуживают ответа. Тот факт, что церковь отвечает на такие запросы, неподвластен логике и человеческому опыту, это привело к тому, что духовенство, часто не имея других средств спасения, просто поворачивает противоречие против спрашивающего, в форме утверждения: «это тайна Бога, вы просто должны иметь веру». Собеседник может ответить: «но у меня есть вера - я верю, что Бог может открыть законы божии, которые ответят на все мои вопросы», только чтобы продолжить беседу, «ну, в таком случае, вы просто должны иметь *больше* веры». Иными словами, человек должен перестать задавать вопросы и должен быть удовлетворен этими ответами. Даже если это не имеет смысла, и даже когда фундаментальные Священные Писания учат другому.

Таким образом, за последние несколько веков иерархия многих иудео-христианских сект была отброшена назад дарованной свыше логикой против шаткого, сутулого, с трясущимися руками тела гностической идеологии, которая в начале (т.е. в период тех, кто знал лучше) истории христианства считалась беспощадной, в этом нет сомнения, еретической сектой. Сценарий является более чем странным; это как сказать: «Конечно, эта печь - модель прошлого года. Прототипы не работают. На самом деле, они взрывались и все те, кто использовал такие - сгорели, но мы везем их обратно в любом случае, потому что нам нужны деньги. Но мы обещаем вам, если вы верите - я имею в виду, действительно верите - тогда мы обещаем вам, все будет хорошо. И если она *взорвется* вам в лицо, не вините нас. Вы просто не достаточно верили». Печально то, что многие люди не только покупают такие печи, но и оставляют их для каждого из своих детей.

Вообще, духовенство полагало, что христианство основано на науке, пока образованным "мирянам" не стало известно больше. Долгие века им не позволялось иметь Библию, а уличенных в непослушании, бывало, карали смертью. Только с отменой этого закона, началом изготовления бумаги в Европе (14 век), изобретением печати (середина 15 века) и переводом Нового Завета на английский и немецкие языки Библия стала доступной простому образованному читателю. Тогда впервые мирянину представилась возможность ознакомиться, проанализировать и критически оценить доктрину, составляющую основу писания. Когда подобный

анализ сокрушил аргументы сторонников духовенства, случилась интересная вещь - многие христианские секты отвергли почти 2000-летнее убеждение, что доктрина должна строиться на науке, а вместо этого выдвинули идею о спасении через духовное руководство и оправдание верой. Особое внимание уделялось слепому, бездумному (а потому и безоговорочному) следованию.

Современные «духовные» оправдания, которые возникли из новой церкви, имитируют еретическую «таинственную исключительность» древних гностиков, поддакивающими знакомые тенденции, такие как: «вы просто не понимаете, у вас нет Святого Духа внутри, как есть у меня», или «вам просто нужно следовать вашему путеводному свету - мой выровнен, прямой как лазер и ксеноновый, но ваш мерцает и тусклый» или «Иисус не живет внутри вас, как живет внутри меня». Без сомнения, такие утверждения ссылаются на личное эго каждого оратора «не правда ли, я особенный», но если кто-то настаивает на вере в духовно эксклюзивные пути, то, без сомнения, другие будут настаивать на обсуждении разницы между иллюзией и реальностью. Т.Г. Гексли, без сомнения, был бы счастлив председательствовать на дискуссии.

Проблема в том, что, заявляя о таинственной исключительности в качестве ключа для руководства и/или спасения - означает утверждать, что Бог самовольно отказался от «спасения», а это едва ли богоподобный замысел. Разве не бесконечно ли больше смысла в том, чтобы Бог дал всему человечеству равные шансы, чтобы признать правду о Его учении? Тогда те, кто вносил на рассмотрение Его доказательства, заслужит награду, в то время как те, кто отрицает, заслужат порицания за неспособность дать подтверждение, веру и поклонения, когда было должно.

Но, к сожалению, природа заблуждения состоит в том, что те, кто редко заблуждается, способны признавать свои ошибки непонимания; природа гностиков схожа в том, что они, как правило, слишком влюблены в само-удовлетворяющую, эгоистичную философию, чтобы понять ложность их основы. И действительно, трудно поверить, что официант плюнул в суп, когда ресторан оценен в пять звезд, с утонченным сервисом, безупречной презентацией. Внешний вид и вкус может быть так хорош, что будет противоречить реальности. Но покровитель считает носителя истины беспокойным занудой, нежели искренним благодетелем, который собирается вычищать болезни из дома служителя.

Endnotes:

[1] Meagher, Paul Kevin et al. Vol. 1, p. 77.

Адрес этой статьи:

<http://www.islamreligion.com/ru/articles/642>

Copyright © 2006-2013 www.IslamReligion.com. Все права защищены